

ФУАД КЯЗИМОВ

ПРИНЦИПЫ СИНГАРМОНИЗМА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Принцип сингармонизма

Азербайджанский язык принадлежит к группе тюркских языков, характерными особенностями которых является агглютинация и сингармонизм.

Сингармонизм — это языковая норма, согласно которой весь звуковой состав слова является по определенным произносительно-слуховым признакам однородным: все гласные в пределах слова и каждой его формы более или менее одинаковы по месту образования — либо передние («мягкие гласные»), либо задние («твердые гласные»); следствием этого является мягкость согласных в слове с мягким вокализмом и твердость их в слове с твердым вокализмом.

Азербайджанское слово представляет собой или чистый корень¹, или корень, за которым следуют аффиксы². Принцип сингармонизма, прежде всего регулирует звуковой состав корней: в односложных корнях он вызывает ассимилятивное приспособление консонантизма к корневому гласному, а в неодносложных — кроме того, обеспечивает известную однородность вокализма. Далее, принцип сингармонизма подчиняет звуковой состав аффиксов звуковому составу корня, вызывая прогрессивное уподобление аффиксальных гласных корневым и в то же время — уподобление аффиксальных гласных вокализму слова. Таким образом, все слово в це-

¹ Употреблять термин «основа» по отношению к корням тюркских языков, как это делают некоторые лингвисты, представляется нецелесообразным. Термин «основа», употребляемый без дальнейшего уточнения, не однозначен: «непроизводная основа» — венужный и громоздкий синоним термина «корень»; под «производной основой» понимается сочетание корня с словообразовательными аффиксами. Но в тюркских языках все аффиксы, как в словоизменении, так и в словообразовании, подчиняются одним и тем же нормам сингармонизма; признак сингармонизма резко делит слово, обладающее аффиксами, на две части — с независимым (обуславливающим) звуковым составом — корень — и с зависимым (обусловленным) звуковым составом — аффиксы; только эти две части слова и должны быть взаимно противопоставляемы с точки зрения сингармонизма. «Поскольку морфологическое оформление слова едино и каждый аффикс имеет только одну функцию, говорить о словообразовании и словоизменении, — замечает проф. Н. К. Дмитриев, — можно только в плане семантики» (Н. К. Д м и т р и е в, Грамматика башкирского языка, М., 1948, стр. 46). Если же пользоваться термином «основа» для противопоставления «в плане семантики» словообразования словоизменению, имея в виду часть слова, предшествующую аффиксам словоизменения, независимо от того, снабжен ли корень словообразовательными аффиксами («производная основа») или нет («непроизводная основа»), то в этом значении «основа» неравнозначна «корню» как основе «непроизводной». Деление слова на «корень» и «аффиксы», с одной стороны, и на «основу» и «аффиксы словоизменения», с другой, опирается на различные принципы, и с точки зрения сингармонизма важно первое противопоставление, а не второе.

² Проф. Н. К. Дмитриев справедливо указывает на предпочтительность для тюркских языков термина «аффикс» — потому, что в них нет противопоставления аффиксов префиксам; «оформители в них одного типа, и других оформителей они принципиально не знают» (Н. К. Д м и т р и е в, Грамматика башкирского языка, стр. 44; ср. его же, Строй турецкого языка, Л., 1939, стр. 24).

лом приобретает однородный по известным признакам звуковой состав — однородный вокализм и однородный консонантизм, причем консонантизм по определенным признакам ассимилирован вокализму. Фактором, определяющим в значительной мере звуковой состав слова, оказывается в конечном счете вокализм его корня.

Такое строение слова создает его фонетическое единство, которого не может обеспечить слабоцентрализующее ударение. Таким образом, фонетический строй тюркских языков тесно связан с их морфологическим строем. «Морфологический процесс оформления слова, — замечает проф. Н. К. Дмитриев о языках тюркской группы, — идет параллельно с фонетическим процессом ассимиляции звуков «аффиксов звукам корня»³.

С другой стороны, очевидно, что принцип сингармоничного строения слова вызывает в языке более или менее сложную систему комбинаторных чередований гласных и согласных. Комбинаторные фонетические чередования представляют собой явление, соотносительное с смыслоразличием: произносительно-слуховые различия между звуками, вызываемые комбинаторными причинами, лишены смыслоразличительной функции; фонема, как смыслоразличительная фонетическая единица, представляет собой ряд комбинаторно чередующихся звуков. Отсюда ясно, что без предварительного изучения норм сингармонизма нельзя выяснять систему фонем азербайджанского языка.

Сингармонизм, как сказано, охватывает и вокализм, и консонантизм слова. Однако, рассматривая явления сингармонизма, необходимо сперва сосредоточиться на основном его элементе — на сингармонизме или гармонии гласных⁴.

2. Небный сингармонизм

С точки зрения сингармонизма, гласные азербайджанского языка делятся, прежде всего, на две категории: мягкие (иначе: передние, или палатальные) и твердые (иначе: задние, или непалатальные)⁵.

Если корень неодносложный, то вокализм его, с точки зрения твердости — мягкости, однороден: он содержит или только мягкие, или только твердые гласные (принцип «небного сингармонизма»). Гласные аффиксов в каждом аффиксальном слове (или в аффиксальной форме слова) являются твердыми или мягкими в зависимости от вокализма корня. Поэтому каждый аффикс представляет собой определенный ряд вариантов с ком-

³ Н. К. Д м и т р и е в, Строй турецкого языка, стр. 8.

⁴ В определении сингармонизма тюркских языков, удовлетворяющем современному уровню наших знаний, необходимо указать: 1) что этой языковой норме подчиняются не только аффиксы, но и корни; 2) что она охватывает не только гласный, но и согласный состав слова; 3) что сингармонизм согласных есть явление, производное от сингармонизма гласных. Поэтому неполными следует признать определения сингармонизма, ограничивающиеся указанием на уподобление звукового состава аффиксов звуковому составу корня (как находим, например, у проф. В. А. Богородицкого: Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию, Казань, 1933, стр. 53; его же, Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, Казань, 1934, стр. 27), или ходячие определения сингармонизма как «гармонии гласных», не учитывающие роли согласных как второстепенного объекта сингармонического уподобления.

⁵ Старые термины «твердые» и «мягкие» в применении к гласным требуют известной мотивировки: позднейшие исследователи нередко относятся к ним с пренебрежением (ср., например, замечание проф. П. М. Мелиоранского, Краткая грамматика казак-киргизского языка, СПб., 1894, стр. 17). Между тем по отношению к сингармоническим языкам они представляют большое удобство, так как твердость или мягкость вокализма слова определяет твердость или мягкость его консонантизма. Вместе с тем эти термины, как отмечает акад. Л. В. Щерба, «не такая глупость, как это принято думать» («Русские гласные в качественном и количественном отношении», СПб., 1912, стр. 87). Ниже нам придется напомнить, что в применении к гласным они имеют то же значение, что и в применении к согласным, по отношению к которым они общеприняты и никем не оспариваются.

бинаторно чередующимися гласными ⁶. Этот принцип фонетического строения слова частично нарушается только в корнях заимствованных слов: неодносложный заимствованный корень может содержать разнородные гласные; в этих случаях твердость или мягкость вокализма аффиксов определяется качеством последнего гласного корня.

Передние гласные [ie æ θ] и задние [a u] встречаются как в кратком, так и в долгом различии. Однако долгие гласные применяются только в словах, заимствованных из арабского и персидского языков, и притом со значительными ограничениями: они могут находиться только в корнях, но не в аффиксах; далее, и в корнях они употребляются только при условиях неодносложности корня, безударности соответствующего слога и его начального или внутреннего положения (т. е. не в последнем слоге корня). Также и дифтонги [iɨ eɨ æɨ yɨ θɨ tɨ aɨ uɨ oɨ] наблюдаются только в корнях, однако без дальнейших ограничений; вокализм аффиксов при дифтонге в корне слова определяется слоговым элементом дифтонга.

В азербайджанских аффиксах используются только три пары гласных [i-ɨ y-u æ-a]; гласные же [e o θ] свойственны только корням.

Примеры, иллюстрирующие сказанное о вокализме неодносложных корней ⁷:

в незаимствованных словах: [b a l a] — «ребенок», [dæli] — «сумасшедший», [gonʃu] — «сосед», [guɨrux] — «хвост», [s θɨ l æ] — «рассказывай»; в исторически заимствованных, а ныне азербайджанских словах: [k i t a b] «книга», [k a : t ɨ b] — «секретарь», [s o v e t] — «совет», как учреждение, организация и как орган государственной власти.

В силу небного сингармонизма каждый аффикс в азербайджанском языке имеет твердый (задний) и мягкий (передний) вариант⁸, причем в вокализме аффикса гласный сохраняет в качестве постоянного признака широкое или узкое образование⁹. Аффикс в азербайджанском языке может состоять или из одного гласного, или из гласного в сочетании с предшествующим или с последующим согласным, или с двумя согласными — предшествующим и последующим; кроме того, аффикс может быть односложным или неодносложным. При неодносложном аффиксе сингармоническому уподоблению подвергаются все его слоги.

Для иллюстрации зависимости вокализма аффиксов от вокализма корня могут служить следующие примеры:

аффикс множественного числа [L a r // L æ r], напр.: [at-Lar] — «лошади» (им. мн.); [it-Lær] — «собаки» (им. мн.);

аффикс дательного падежа (a // æ), напр.: [at-a] — «лошади» (дат. ед.); [it-æ] — «собаке»;

аффикс исходного падежа [dan // d æ n], напр.: [at-dan] — «от лошади»; [it-d æ n] — «от собаки»;

аффикс причастия настоящего времени [an // æ n], напр.: [dantʃ-an] — «разговаривающий»; [gyL- æ n] — «смеющийся».

В исторически заимствованных, а ныне азербайджанских словах с неоднородным вокализмом неодносложного корня, как было уже упомянуто, вокализм аффиксов зависит от последнего корневого гласного; напр.: существительное [k i t a b] с аффиксом дательного падежа — [k i t a b-a], существительное [bolʃevik] — «большевик» с тем же аффиксом [bolʃevik-æ]

⁶ Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, М.—Л., 1940, стр. 19; его же, Грамматика башкирского языка, стр. 38, 50.

⁷ В транскрипции азербайджанских слов мы не обозначаем места ударения, так как в азербайджанском языке ударение падает на последний слог.

⁸ Ср. Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, стр. 40.

⁹ П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, стр. 15; В. А. Богородицкий, Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию, стр. 58.

3. Губной сингармонизм

К описанному сингармонизму по месту образования (так называемому «небному сингармонизму») присоединяется губной сингармонизм: при известных условиях аффиксы варьируют свой вокализм в зависимости от огубленности или неогубленности гласного корневого слога; в этих случаях гласный элемент аффикса представляет собой чередование не двух, а четырех звуков (твердый неогубленный, твердый огубленный, мягкий неогубленный, мягкий огубленный, опять-таки при сохранении в качестве постоянного признака узкого или широкого образования¹⁰) при этом огубленные гласные появляются в аффиксе только под влиянием огубленного гласного в корне.

Как указывает проф. Н. К. Дмитриев, принцип губного сингармонизма осуществляется одновременно с принципом небного сингармонизма, и говорить о губном сингармонизме как об отдельном процессе, независимом от небного, нельзя: следует иметь в виду единую небо-губную ассимиляцию¹¹. Однако губное уподобление в азербайджанском языке имеет более ограниченное применение, чем уподобление небное:

1. Оно не действует внутри корня и осуществляется только как уподобление вокализма аффиксов вокализму корня, а в случае неоднородности вокализма неодносложного корня по признаку огубленности или неогубленности — последующему гласному корня. Примеры заимствованных корней, в которых сочетаются огубленные и неогубленные гласные: [sonra] — «затем», [sumax] — «сушеный барбарис», — [syfræ] — «скатерть», [dodax] — «губа» (им. ед.), [doLma] — «голубцы», [guɪmax] — «мамалыга», [dokguiz] — «девять».

2. Широкие огубленные — [θ o] — (не считая заимствованных слов, таких, как [qino, vagon и т. д.]), встречаются только в первом слоге корня (и слова), а в последующих слогах корня и в аффиксах из огубленных гласных употребляются только узкие [y u]. Поэтому говорят [ot-um] — «моя трава» при невозможности [ot — om]; [gθz-ym] — «мой глаз» при невозможности [gθz-θm]¹². Таким образом, всякий аффикс с узким гласным — [i-t y—u] — имеет все четыре варианта¹³, тогда как аффикс с широким гласным — [æ-a] — имеет только два варианта; иначе говоря: огубленный вокализм корня вызывает огубление гласного в аффиксах с узким вокализмом и не влияет на аффиксы с широким вокализмом. При широком вокализме аффикса гласный его остается неогубленным независимо от огубленности или неогубленности корневого гласного. Так, множ. число от существительного [gθz] — «глаз» — [gθz-Læer].

Объединяя нормы небного и губного сингармонизма, получаем следующую таблицу, показывающую зависимость вокализма аффиксов от вокализма корня:

	В корне		В аффиксах		
	неогуб- ленные	огублен- ные	с узким вокализмом		с широким вокализ- мом
			неогубл.	огубл.	
Твердые	t a	u o	t	u	a
Мягкие	i e æ	y θ	i	y	æ

¹⁰ Ср. П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, стр. 15; В. А. Богородицкий, Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию, стр. 58—59.

¹¹ Н. К. Дмитриев, Строй турецкого языка, стр. 9.

¹² Ср. там же.

¹³ Ср. Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, стр. 39—40. Впрочем, в башкирском языке конкретные условия применения губного сингармонизма существенно отличаются от тех, которые наблюдаются в азербайджанском.

4. Сингармонизм согласных

Как уже говорилось, сингармонизм в тюркских языках распространяется не только на гласные, но также и на согласные. Все согласные, кроме мягких (среднеязычных — *k g j*), в отношении сингармонизма имеют два варианта — твердый и мягкий; в словах с твердым вокализмом употребляются только твердые согласные, в словах с мягким вокализмом только смягченные (тогда как вполне мягкие согласные могут сочетаться в слове как с мягкими, так и с твердыми гласными). Таким образом (со сделанной оговоркой относительно среднеязычных согласных), твердым или мягким оказывается целое слово, и притом в отношении как вокализма, так и консонантизма, независимо от непосредственной смежности согласного с твердым или мягким гласным: [*dart-max*] — «тащить», [*syrt-m æ ɟ*] — «тереть».

Из сказанного ясно, что звуковой состав корней в азербайджанском языке устойчив — в том смысле, что не подвергается сингармоническим комбинаторным чередованиям, тогда как звуковой состав аффиксов в том же смысле неустойчив¹⁴. Весь звуковой состав аффиксов в слове (как вокализм, так и консонантизм) в значительной мере обусловлен звуковым составом корня, в конечном счете — вокализмом корня. В звуковом составе аффикса постоянными признаками являются:

в вокализме — узкое и широкое образование;

в консонантизме — способ и место образования;

варьируют в звуковом составе аффикса:

в вокализме — твердость и мягкость (иначе: место образования), огубленность и неогубленность;

в консонантизме — твердость и мягкость¹⁵.

Варьирующие признаки вокализма и консонантизма аффиксов обусловлены сингармонизмом, который проявляется в аффиксах именно этими вариациями. Однако основой сингармонизма служит все же вокализм; «сингармонизм в гласных, — как справедливо отметил проф. В. А. Богородицкий, — является моментом обуславливающим, а в согласных зависимым от него»¹⁶.

В «Грамматике башкирского языка» проф. Н. К. Дмитриева находим яркую характеристику сингармонизма: «Законченный звуковой комплекс, обладающий определенным семантическим единством, — пишет проф. Дмитриев, — должен... состоять из звуков, максимально близких в отношении артикуляции»¹⁷. Но эта формулировка требует дальнейшего раскрытия: в звуковом составе слова и корня, как элемента слова, определяющего в значительной мере звуковой состав целого, необходимо различать гласные и согласные и отметить подчиненность консонантизма вокализму.

Однако это последнее положение нуждается в обосновании: почему сингармонизм гласных надо признать моментом обуславливающим, а сингармонизм согласных обусловленным? Прямого ответа на этот вопрос в научной литературе не находим. Полагаем, что искать его нужно в различной степени произносительно-слуховой выраженности вариаций по твердости — мягкости гласных, с одной стороны, и согласных, с другой. Палатализация согласных в большинстве тюркских языков относительно слаба (на русский слух — это скорее «полумягкость»¹⁸, точнее — «полу-

¹⁴ Ср. Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, стр. 38, 50.

¹⁵ Кроме того, в аффиксах наблюдается комбинаторное чередование согласных по глухости и звонкости, не связанное с сингармонизмом, о чем см. ниже.

¹⁶ В. А. Богородицкий, Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию, стр. 59.

¹⁷ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, стр. 38.

¹⁸ Ср. Е. Д. Поливанов, Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам, Ташкент, 1935, стр. 34; Н. И. Ашмарин, Обзор народных тюркских говоров, гор. Нухи, Баку, 1926, стр. 24.

смягченность»), тогда как различия в гласных по мягкости и твердости (т. е. с произносительной стороны, по палатальности и непалатальности) вполне отчетливы и материальные различия между гласными, которые в аффиксах являются комбинаторными, в корнях служат для смысловоразличения. «Если два фонетических явления разной интенсивности, которые по своей природе могут находиться в отношении причины и следствия, выступают в данном языке (или в данной группе языков) всегда совместно, то мы можем с уверенностью заключить, что явление, ярко выраженное, служит причиной явления, выраженного слабее. Этот вывод мог бы быть поколеблен только наличием непосредственно смысловой функции у явления, выраженного слабее, при отсутствии такой функции в явлении, по материальным признакам более ярком. Но такой случай даже а priori мало вероятен»¹⁹. Не наблюдается его и в нашем случае: все звуки в корнях — и гласные, и согласные устойчивы и весомы с точки зрения смысловоразличения, а в аффиксах все звуки — и гласные, и согласные — одинаково неустойчивы и обусловлены звуковым составом корня.

Освещение в тюркологической литературе вопроса о смягчении согласных в азербайджанском языке (как и в других тюркских языках) и об отношении этого явления к сингармонизму требует некоторых критических замечаний. Это комбинаторное чередование привлекло к себе внимание исследователей относительно недавно. Такие выдающиеся представители тюркологии, как акад. В. В. Радлов и проф. П. М. Мелиоранский, о нем не упоминают. Некоторые тюркологи из общего состава согласных выделяют как парные по твердости — мягкости лишь наиболее яркие — сонорные [l-l]²⁰.

Комбинаторное смягчение согласных, как общий произносительный принцип, было убедительно показано и истолковано как явление сингармонизма в татарском языке — в работах Г. Шарафа, напечатанных в 1927-1928 гг., причем автор распространил свое наблюдение и на другие тюркские языки²¹. В 1926 г. ассимилятивное смягчение согласных в говорах азербайджанского языка отметил Н. И. Ашмарин, однако не поставив это чередование в связь с сингармонизмом²². Позже оно было констатировано, и притом как явление сингармонизма, Е. Д. Поливановым для узбекского языка²³, Н. А. Баскаковым для ногайского²⁴, В. Н. Зиновьевым для казахского языка²⁵. Особо следует остановиться на высказываниях по этому вопросу проф. Н. К. Дмитриева.

В «Грамматике кумыкского языка» проф. Дмитриев отмечает, что «кумыкские согласные могут приобретать более передний оттенок в соединении с передними гласными (напр. *бер* «давай») и более задний — в соединении с гласными заднего ряда (напр. *бар* «имеется»); в первом случае, если его изобразить точнее, получается нечто вроде *b^еer^ь*, а во втором —

¹⁹ С. И. Бернштейн, Лекции по общей и немецкой фонетике, М., 1938.

²⁰ См., например, W. W. Radloff, *Phonetik der nördlichen Türksprachen*, Leipzig, 1882, стр. 115; П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казах-киргизского языка, стр. 8; М. М. Билялов, Таблицы по фонетике башкирского языка, Зап. коллегии востоковедов, т. III, вып. 2, М.—Л., 1928, стр. 373; D m i t r i j e v, *Materialien zur Kumückischen Phonetik*, в журнале «Le monde oriental», Uppsala, XXIX, 1935, стр. 182; Э. Демирчизадэ, Азербайжан дилинин севтийяты, сборник (на азерб. языке), Баку, 1947, стр. 31; Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, стр. 19, 23.

²¹ См. Г. Шараф, Сонорная длительность татарских гласных, «Вестник научного общества татароведения», 8, Казань, 1928, стр. 236; его же, Палятограммы звуков татарского языка сравнительно с русскими, там же, 7, стр. 97.

²² Н. И. Ашмарин, Обзор, стр. 24.

²³ Е. Д. Поливанов, Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам, стр. 34. Это наблюдение было недавно подтверждено А. Н. Кононовым в его «Грамматике узбекского языка», Ташкент, 1948, стр. 20, но не поставлено в связь с сингармонизмом.

²⁴ Н. А. Баскаков, Ногайский язык и его диалекты, М.—Л., 1940, стр. 25.

²⁵ В сборн. «Русский язык в казахской школе», Алма-Ата, 1939, стр. 11.

бар. Однако оттенок этот, — продолжает проф. Дмитриев, — создает только парные варианты одной фонемы (*б^в* и *б^з* — разновидности фонемы [б], а не новую фонему»²⁶.

Таким образом, здесь констатируется, с одной стороны, известная степень смягчения кумыкских согласных в словах с мягким вокализмом при сохранении полной твердости согласных в словах с твердым вокализмом, с другой стороны — подчеркивается комбинаторный характер этого признака согласных, чем обуславливается принадлежность твердой и мягкой разновидности согласного к составу одной фонемы.

Но, сделав этот вывод, проф. Дмитриев отмечает, что «несколько иначе обстоит дело со звуком *л*, который имеет два варианта, доходящие, строго говоря, до положения отдельных фонем: переднее латеральное *ль* («тверже» русск. «ль») и заднее велярное *л* (— русск. «л»)»²⁷. Однако утверждение о фонетическом различии между этими двумя звуками опровергается дальнейшим указанием автора о том, что «в собств. кумыкских словах первый тип употребляется только при гласных переднего ряда (напр. *элли* — «50»), а второй — при гласных заднего ряда (напр. *ала* — «пестрый»)»²⁸.

То же противоречие, в несколько смягченной форме, обнаруживается у проф. Дмитриева в оценке этих двух согласных в «Грамматике башкирского языка» (1948); и здесь, как и в большинстве тюркских языков, он находит «два варианта фонемы *л*: *ль* переднее и *л* заднее (велярное), которые почти доходят до соотношения двух фонем»; и здесь «эта особенность учитывается при сингармонизме...: для старых башкирских слов переднее *л'* допустимо только в окружении гласных переднего ряда, а велярное *л* — только в окружении гласных заднего ряда»²⁹.

Едва ли можно согласиться с этими фонологическими оценками. Если выбор между двумя звуками обуславливается фонетическим окружением, то мы имеем дело не с двумя фонемами, а с двумя комбинаторными вариантами одной фонемы. Степень произносительно-слухового различия между двумя звуками не может служить основанием для решения вопроса о том, представляют ли эти звуки две разные фонемы или два варианта одной фонемы. Этот вопрос может решаться только в связи с комбинаторными условиями употребления этих звуков в данном языке.

5. Общий обзор явлений сингармонизма

Итак, в азербайджанском, как и в других тюркских языках, наблюдается ярко выраженная тенденция к однородности звукового состава слова. Эта тенденция проявляется в двух направлениях — в направлении места образования (наличия или отсутствия палатальности) и в направлении огубленности или неогубленности. В первом направлении, как небный сингармонизм, она охватывает и вокализм, и консонантизм; во втором, как губной сингармонизм, она ограничивается вокализмом. Создавая единообразие в звуковом составе корня, сингармонизм в то же время вызывает звуковое уподобление аффиксов корню. Небный сингармонизм распространяется и на аффиксы, где он действует с полной последовательностью, и на корни, где он нередко нарушается в результате заимствования слов из других языков; губной сингармонизм проявляется только в аффиксах и менее последователен в том смысле, что не все огубленные гласные корня вызывают огубление гласных в аффиксах.

²⁶ Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, стр. 11.

²⁷ Следует попутно отметить, что признак латеральности нельзя противопоставлять признаку велярности: заднему, иначе — велярному *л* тоже свойственно латеральное образование, без которого звук *л* не объединялся бы со звуком *ль* в определенную фонетическую категорию — в категорию звуков латеральных, т. е. образуемых при участии боков языка, и вообще не был бы звуком *л*.

²⁸ Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, стр. 11.

²⁹ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, стр. 23.

Особо следует подчеркнуть, что небный сингармонизм, охватывая и вокализм, и консонантизм, вызывает уподобление согласных гласным. Действительно, твердость и мягкость — это признаки однородные в согласных и гласных: и в том и в другом случае имеем дело с противопоставлением более низкого и более высокого характерного тона резонатора, причем это различие создается одними и теми же произносительными средствами — главным образом отсутствием или наличием среднеязычной работы³⁰. Таким образом, признаки твердости и мягкости в одном и том же смысле свойственны и гласным, и согласным; поэтому они могут служить основой для уподобления согласных гласным (как в азербайджанском языке) и обратно (как, например, в русском).

6. Мнимый сингармонизм согласных

Если сингармоническое уподобление согласных гласным по твердости и мягкости долго оставалось незамеченным, да и до сих пор не всеми исследователями оценивается как существенный элемент сингармонизма, то, с другой стороны, под «гармонией согласных» нередко понимают прогрессивное уподобление начального согласного аффикса конечному согласному корня по глухости и — звонкости³¹. Едва ли можно усмотреть в этом чередовании связь с сингармонизмом, хотя бы в том смысле, что оно свидетельствует о подчинении звукового состава аффикса звуковому составу корня. Так, по крайней мере, обстоит дело в азербайджанском языке, где та же ассимиляция обнаруживается в последующем аффиксе по отношению к предшествующему аффиксу. В азербайджанском языке это уподобление состоит в том, что начальный звонкий взрывной согласный аффикса в положении после конечного глухого становится полувзвонким, т. е. приобретает глухое начало, сохраняя звонкий исход, напр.: [at-dan] — «у лошади», [sap-dan] — «в нитке», [bas-gi] — «нападение»; ср. те же аффиксы в положении после гласного или звонкого (полувзвонкого) согласного: [ba La -da] — «у ребенка», [dθz -gi] — «терпенье»; во втором аффиксе: [ga L -mi] -dim] — «я оставался», [je-mæq-dæ]³² — «в кушанье» (предл. ед.); ср. те же аффиксы без оглушения в положении после гласного или звонкого (сонорного) согласного: [bθL-gi-dæ] — «в разделе», [jaz-iL -dim] — «я записался». Однако начальный глухой согласный аффикса в положении после конечного звонкого (точнее — полувзвонкого) согласного корня ассимиляции не подвергается: напр.: [ad-siz] — «без имени».

Таким образом, уподобление согласных по глухости — звонкости, имеет в азербайджанском языке очень ограниченное применение: оно осуществляется только в случае стечения конечного глухого согласного корня с начальным звонким согласным аффикса и не имеет места при обратном расположении глухого и звонкого согласного (звонкий — глухой). Следовательно, это явление частного характера, которое по широте охвата не может идти в сравнение с уподоблением согласных по твердости — мягкости. В то же время, распространяясь на сочетание двух аффиксов, оно не может служить средством противопоставления аффиксов корню, поскольку ассимилирующее влияние на последующий согласный оказывает конечный согласный не только корня, но и аффикса, предшествующего другому аффиксу.

³⁰ О гласных см. Л. В. Щ е р б а, Русские гласные, стр. 87, и данные о характерном тоне резонатора отдельных гласных, несмежных и смежных с смягченными согласными; о согласных см. А. И. Т о м с о н, Общее языковедение, изд. 2, Одесса, 1910, стр. 198.

³¹ См., например, Н. К. Д м и т р и е в, Грамматика кумыкского языка, стр. 22; его же, Грамматика башкирского языка, стр. 48.

³² Ср. в немецком аналогичную прогрессивную ассимиляцию, например в сочетании [bist du:].

Таким образом, в отличие от чередования твердых и смягченных согласных, оно не несет функции фактора, создающего фонетическое единство слова путем подчинения звукового состава аффиксов звуковому составу корня. Вот почему едва ли есть достаточное основание рассматривать чередование звонких и полувзвонких согласных в аффиксах азербайджанских слов как явление сингармонизма, а глухость — звонкость как один из признаков, по которым происходит сингармоническое уодноображение слова. Вернее видеть в этом чередовании проявление антропофонических тенденций азербайджанского языка к частичному заглушению звонких согласных (которое происходит и в ряде других положений) и к прогрессивной ассимиляции.

7. Роль сингармонизма в агглютинативных языках

Сингармонизм теснейшим образом связан с морфологическим строем азербайджанского языка, как агглютинативного. Акад. В. В. Радлов отмечал, что сингармонизм, который он определял как согласование аффиксальных гласных с гласными корня, «применяется как морфологическое словообразующее средство»³³. Решительно выступив против расистских объяснений «гармонии гласных», господствовавших в западной науке, русский ученый писал: «Не своеобразное строение органов речи побудило уралоалтайца произносить слова с постоянным пассивным укладом наставной трубы, и не умственная косность, как предполагает Ш т е й н т а л ь, а также и не постепенно укоренившаяся лишь в последнее время привычка. Нет, причина возникновения гармонии гласных лежит в морфологии и теснейшим образом связана с внутренней формой уралоалтайских языков»³⁴.

И действительно, агглютинативный «склеивающий» язык, вследствие относительной смысловой самостоятельности его морфем, особенно нуждается в фонетическом выражении смысловой целостности слова. Между тем ударение в азербайджанском языке (как и в других тюркских языках) слабоцентрализующее³⁵ и более или менее связанное — окончательное, и это тоже стоит в связи с его агглютинативным строем: относительная смысловая автономность его морфем не допускает резкого выделения одной из них за счет других. Функцию фонетического объединения морфем в слове берет на себя сингармонизм. И. А. Бодуэн де Куртенэ был первым, кто сделал это блестящее сопоставление: «Гармония гласных в туранских языках, — писал он, — служит, так сказать, цементом, соединяющим или связывающим слоги в слова. В арио-европейских языках эту роль соединения слогов в слова играет (по крайней мере в основной, синтетический период развития этих языков), прежде всего, ударение»³⁶.

³³ В. В. Радлов, *Phonetik*, I, стр. 50.

³⁴ Там же, стр. 51. Термин «внутренняя форма», как явствует из контекста, равнозначен здесь термину «морфологический строй».

³⁵ О понятии слабоцентрализующего ударения см. А. S c h m i t t, *Untersuchungen zur allgemeinen Akzentlehre*, Heidelberg, 1924, стр. 15—19, 75—79.

³⁶ И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, Резьянский Катехизис, как приложение к «Опыту фонетики резьянских говоров», Лейпциг, 1875, стр. 323.